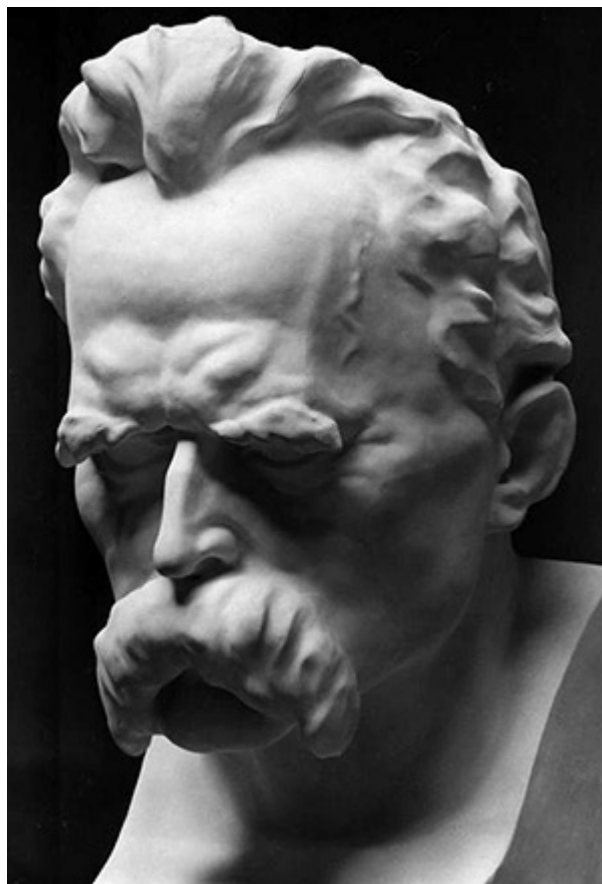

Игорь Бестужев

ФРИДРИХ НИЦШЕ – ВОСПИТАТЕЛЬ И ПРОРОК

Йозеф Торак. Бюст Фридриха Ницше (1944)

В 2000 году исполнилось сто лет со дня смерти выдающегося немецкого философа, историка культуры и писателя Фридриха Ницше /1844-1900/. Его идеи приобретают все большее значение, по мере того как обнаруживается банкротство западно-демократических институтов и европейской культуры в целом. Не только в философском, но и в узко-человеческом смысле Ницше был исключительной личностью. Высокая разносторонняя культура, негибкая воля соседствовали в нем со слабым здоровьем и деликатным характером. Он прожил непревзойденную по творческой интенсивности жизнь, породив огромное количество идей, вызывающих нескончаемые споры и противоположные толкования. В отличие от других пророков заката Европы, начиная со Шпенглера, Ницше, яростно отвергавший весь ход европейского развития, не был пессимистом. В нем уживались такие черты как презрение к массе и доверчивость к отдель-

ным людям, безжалостное отношение к «низшим» типам в теории и глубокое чувство справедливости в жизни. Во время частых поездок по Европе Ницше, попадая в окружение простых людей, отдыхал от искусственной атмосферы образованного общества, до конца жизни отвергавшего философа, особенно в Германии. Восхищение творческой силой и самобытностью Ницше пришло позднее. Известные интеллектуалы и видные политики признали его после того, как европейское развитие подтвердило правильность многих выводов Ницше.

Философ предвидел все значительные явления в жизни Европы: формирование слоя демагогов-политиков, использующих суеверия и слабости людей для достижения корыстных олигархических целей, возникновение планетарного мышления, будущую геополитическую расстановку мировых сил и многое другое. То, чем гордилась Европа во времена Ницше, приобрело черты вырождения и обесценилось в наши дни. Например, чем больше современные политики толкуют о мире, тем безжалостнее и шире они применяют силу в межгосударственных отношениях против слабых наций.

Тем не менее, немецкий философ не был реальным политиком в точном значении слова из-за своеобразного романтизма воззрений, сформированных в молодые годы. Сын священника, Ницше сам готовился стать пастором. Еще в школе Фридрих начал работать над своим характером. Смолоду он восхищал окружающих многообразными способностями. С девяти лет Ницше играл на рояле, сочинял стихи и музыку. В Наумбургской гимназии, а затем в монастырской школе Пфорта он превосходил своих сверстников. Здесь в 1858-62 годах Ницше получил отличное классическое образование. Именно в Пфорта началось его освобождение от влияния католицизма. В 1862 году он поселился в Бонне, где обучался в одном из лучших германских университетов. Его уже мучили периодические головные боли – сказала нездоровая наследственность. Ницше не вписался в веселую студенческую жизнь, так как был аскетичен. Уже тогда его отталкивал немецкий материализм и демократические воззрения, хотя интерес к независимой личности Фейербаха он сохранил надолго. Ницше никогда не желал счастливой и одинаково удобной жизни для всех.

Образование он продолжил в Лейпцигском университете – известном центре германской учености. Здесь он познакомился со знаменитой книгой Шопенгауэра «Мир как воля и представление», автор которой считал прогресс «глупой выдумкой философов, угождающих толпе», а мир, одушевленный волей, – лишенным всякого смысла. В Лейпциге Ницше становится учеником известного профессора филологии Ригля и в 1866 году образует научный кружок. Он пишет необычные по стилю глубокие статьи в журналах. В это время произошло важное событие в германской истории – прусский канцлер Бисмарк разорвал связи с Австрией, разгромленной фельдмаршалом Мольтке за двадцать дней.

Ницше в восторге: «Мы достигли успеха, но пока Париж останется центром Европы, все будет по-старому». В 1867 году он был зачислен в конно-артиллерийский полк, став отличным кавалеристом, но после ранения вернулся в Лейпциг. Заря его славы возшла на двадцать третьем году жизни. Из Берлина Ницше получил заказ на работу для серьезного исторического журнала. В Лейпциге ему предложили вести музыкальный отдел.

Новым событием стало открытие Рихарда Вагнера. Ницше знакомится с великим композитором, пораженный красотой «Тристана и Изольды» и «Зигфрида». Позднее он напишет: «Вагнер воплощает в себе идеальный тип человека... великий ум... я чувствую себя около него как бы в присутствии божества». Оба творца всегда восхищались друг другом, несмотря на расхождение во взглядах на христианство. Их личная судьба сложилась по-разному. Вагнеру удалось воплотить при жизни все замыслы: в грандиозных Байройтских фестивалях и в творческой концентрации национального духа. Он достиг всего благодаря редкому сочетанию идеализма с умением использовать свое влияние на видных людей Германии. Опираясь на древнегерманскую мифологию и самостоятельно творя на ее основе национальные мифы, Вагнер гармонично соединил в них все сословия нации. Германскому государству он посвятил свои оперные драмы, и оно ответило ему признанием. Ницше же, презирая политические средства достижения успеха, которые требовали пренебречь частью задуманного, чтобы воплотить остальное, лишил себя этой возможности при жизни. Он был непреклонен в отстаивании своих идей и не прощал даже близким друзьям отступление от единства взглядов. В теории философ прочно отгородился от народной массы и потому не нашел в ней признания.

Но все начиналось успешно. В двадцать четыре года Ницше по предложению Ригля занял кафедру филологии в Базельском университете. Восхищенный прекрасными статьями Ницше в «Рейнском музее», Ригль назвал его гением. Тогда же Ницше вручили в Лейпциге диплом без экзамена из уважения к его работам. Однако молодой доктор уже мечтал «наполнить науку свежей кровью», что не сулило спокойной жизни немецкой профессуре, предпочитавшей видеть в нем лишь сверхобразованного традиционалиста. В университете Базеля он быстро завоевал престиж за свой ум, музыкальный /!/ талант и дружбу с Вагнером. Но среди буржуа у него не было друзей, а это значило, что Ницше не вписался в социальную атмосферу, где ведущую роль уже играло третье сословие. После взрыва патриотизма, вызванного франко-прусской войной, Ницше перестала волновать текущая политика. Его, как и Вагнера, угнетало настроение самоуверенного довольства, охватившее все слои немецкого общества после короткой демонстрации пробудившейся силы /«большие дела великих людей сменились пошлой болтовней с трибун и в печати»/.

Ницше любил свою родину, немало размышлял о ее предназначении, но в отличие от Вагнера, не мог смириться с утратой надежды на быстрое возмужание Германии после социальных потрясений и войн. По мере того как философ завершал формирование своих идей, устраняя из них компромиссы с буржуазной демократией, его отношение к Вагнеру становилось все более критическим. Он осуждал избыток демократизма в «Нюрнбергских мейстерзингерах» и «заигрывание» с христианством в «Парсифале». С крайним недоверием относился Ницше к ученому сословию. Работая в немецких университетах, он хорошо знал профессорский мир, не допускавший внутри себя свежих идей. Ницше был подлинным революционером в мышлении. «Я изгнал бы из моего идеального государства так называемых «образованных» людей как Платон поэтов», – писал он позднее. Его привлекали люди огромной энергии, вносящие в мир творческую новизну. Эти личности попадались Ницше не часто. Одним из них был итальянский революционер Мадзини. Философ познакомился с ним, путешествуя по Италии, изредка встречался и вел переписку. Люди из разных миров, они ценили друг в друге непреклонную волю к изменению общественного строя омещанившейся Европы, хотя Мадзини был человеком действия, а Ницше – уединенным мыслителем.

Философское начало пути открыла первая глубокая работа – «Рождение трагедии из духа музыки», где Ницше сразу обнаружил новизну и необычность философских идей, не считаясь с реакцией ученых на свой труд. В нем он воссоздал сложный «нечистый» образ древней Греции, подготовив будущий разрыв с культовыми фигурами европейской цивилизации: идеализированной древностью, беспочвенной романтикой, а затем с пессимизмом шопенгауэровского толка и, наконец, с христианством. Трагедия как отражение жизни погибла, согласно Ницше, из-за «вмешательства в политику городской черни, сброда рынков и гаваней», чьим кумиром был Сократ, осмеявший традицию, созданную усилиями великих греков от Гомера до Эсхила. Острота исторического взгляда Ницше вывела его далеко за пределы древности. Он увидел в конце 19 века продолжение борьбы против сильного государства, которая велась кругами, олицетворявшими одновременно упадок и потрясения. Философ противопоставил современной Германии демократов и ученых будущую Германию солдат и поэтов: «немцы – люди позавчашнего и послезавтрашнего дня». Он не принял вторжения в Германию нигилизма и трусости. С деятельностью таких лиц, как Вагнер, Ницше связал возможность возрождения европейского мира по лучшим образцам древности.

Он, как и Вагнер, выделял среди движущих сил буржуазного мира еврейский народ. Его суждения в этом вопросе отличались глубиной и объективностью. В отличие от Вагнера, отрицавшего вклад евреев в мировую цивилизацию, Ницше признавал за ними крупный культурный потенциал, отразившийся в Ветхом за-

вете. При этом он не отождествлял древних евреев с современными, имея недостаточный опыт общения с ними. У него был лишь один приятель-еврей, некто Пауль Ре. Человек мелкого характера, Ре отвлекал Ницше от привычного творческого ритма, поощряя в нем «отступающую мягкость». К тому же Ре разрушил личные отношения Ницше с аристократкой русско-немецкого происхождения, усилив его одиночество. Однако Ницше великодушно прощал товарищу двусмысленное поведение. Он с пренебрежением относился к набиравшему силу в немецком обществе антисемитизму. Тем веселее суждение Ницше об общем характере еврейской деятельности: «Евреи, самый роковой народ всемирной истории», – писал философ, – «народ самой упорной жизненной силы; поставленный в невозможные условия, он из глубокого и мудрого самосохранения сумел возглавить все движения декаданса. Эта порода людей имеет свой жизненный интерес в том, чтобы сделать человечество больным, чтобы понятия «добрый» и «злой», «истинный» и «ложный» извратить в опасном для жизни смысле, являющемся клеветой на мир».

Идеи Ницше существенно не изменялись в течение жизни. Но в каждой работе происходило органическое разрастание излюбленных тем, придававшее им дополнительный смысл. Постепенно люди высокого вкуса заражались энтузиазмом философа. Так, известный швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт назвал новый труд Ницше «Человеческое, слишком человеческое» /1878г./ «державной книгой». В ней философ окончательно отверг традиционное эллинизмо, христианские ценности и Рихарда Вагнера за «идеализм, за Бога и прочие женственности», приписав ему «мошенничество высшего порядка».

С начала 70-х годов Ницше прекращает систематическое чтение лекций. Ухудшается его здоровье. Он едет в Италию, ставшую излюбленным местом творческого уединения. Затем предпринимаются попытки возобновить работу в университете Базеля, но ученые уже вычеркнули его имя из науки. Философа окружает общее непонимание. Изредка приближается Ницше к героическому миру вагнеровского искусства во время грандиозных музыкальных представлений, разыгрываемых в театре Байройта, построенного баварским королем для Вагнера. Иногда они встречаются.

Между тем болезнь Ницше прогрессирует, но он не оставляет интенсивного творчества. В 1882 г., опубликована «Веселая наука». Впервые в размышлениях философа появился острый ракурс политики. Он ощутил приближение революционных катастроф. В «Веселой науке» Ницше указал на необходимость «Объединенной Европы», как здоровую реакцию на перспективу социализма. Он имел в виду консервативный союз европейских держав, а не демократические структуры закрытого толка. Сразу после «Веселой науки» Ницше начал работу над центральным произведением своей жизни – философской поэмой

«Так сказал Заратустра», где в романтической форме создал образ Сверхчеловека, до сих пор поражающий воображение политиков и поэтов. Книга вышла в 1884 году. Это было время, когда Ницше начал приобретать популярность за границей, но потерял надежду преподавать в немецких университетах из-за своего атеизма. В круге его почитателей появились такие личности как французский историк Ипполит Тэн, писатель Генрих фон Штайн. Заратустру приняли буквально и отвергли в Германии, а его творец прослыл крайним индивидуалистом, особенно в России, где общинное сознание разделяли образованные круги. Но Ницше не случайно привлек образ древнеперсидского пророка, проповедовавшего свободу выбора, силу добра и оседлую хозяйственную деятельность. Эти ценности во взаимосвязи составляют сущность благородного человеческого типа, как его представлял Ницше. Три касты, о которых говорит философ, это: простой народ с его «жалкой» христианской верой; общественные организаторы и воины и, наконец, священная каста «поэтов», творцов, определяющих ценности.

Ницше не предназначал свою философию специально для Германии, но последующее поколение немецких консерваторов использовало его идеи как таран для разрушения демократии. «Так сказал Заратустра» – неполитическая книга, написанная с солдатской прямоотой. Когда он говорит: «все женское, все рабское и особенно вся чернь хочет теперь стать господином человеческой судьбы», – то имеет в виду прежде всего организаторов общества, «не заслуживающего королей». К ним обращался философ: «Проповедники равенства! Бессильное безумие тирана кричит в вас о равенстве... Лучшее должно господствовать. Лучшее хочет господствовать! И где учение гласит иначе, там нет лучшего!». Эти слова можно поставить эпиграфом к хронологии нашего времени, изобилующего «господами» самого худшего вида, безразличными к судьбе своих народов. Властный человек у Ницше лишен индивидуального эгоизма, он несет личную ответственность за организацию общества.

Достижение власти и благополучие государства, считал философ, не может быть обеспечено лишь мирными средствами. «Войны и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему» – пишет Ницше. «Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных». Так кажущаяся безнадежной борьба превращается в способ достижения отдаленной цели. Ницше презирал пацифизм как свидетельство утраты инстинкта самосохранения и доказательство вырождения наций. «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе». При этом он не имел в виду только Германию /«Родины не нашел я нигде... тревожно во всех городах... рвусь я прочь от всех ворот»/. Ницше не идеализировал немецкую самобытность, но верил в будущее своей нации, из которой стремился изгнать бесов демократии. В его политических взглядах уживались революционность и консерватизм. Он не ви-

дел перспектив в монархическом строе, наблюдая деградацию императорской власти в Германии и Австро-Венгрии. Широта культурных интересов удерживала Ницше от узкого национализма. В определенном смысле он был консерватором интернационального толка, желавшим преобразования Европы в сверхгосударство военно-аристократического типа. Его определения «сверхчеловека», «белокурой бестии» не несли зловещего смысла, приобретенного пятьдесят лет спустя.

Место Бога в его философии занял благородный и сильный человеческий тип, и это имело также личную сторону. Ницше не представлял себе жизни, заключенной в узкие биологические рамки. Христианская надежда на воскресение казалась ему жалкой. Постепенно им овладевала мысль о «вечном возвращении». Хотя его жизнь была полна физическими страданиями, Ницше желал «возвращения», потому что его не оставляла надежда воспитать в себе «сверхчеловека», способного преодолеть любые лишения.

Новой глубины выражения своих идей философ достиг в книге «По ту сторону добра и зла», мгновенно раскупленной сразу после выхода в 1886 году. Политическая мысль Ницше приобрела здесь наиболее реалистичную форму. Распад европейской духовности, «восстание масс» и воцарение посредственности, политический перевес России, XX век как начало борьбы за господство над земным шаром – в концентрированном виде и даже в терминах нашего времени описал философ все его основные процессы. «Мы – люди иной веры видим в демократическом движении не только форму упадка политической организации, но и форму вырождения и измельчания человека до стадного животного». – Здесь он указал на главного носителя вируса распада: «Ничто не возбуждает большего отвращения к так называемым «интеллигентам», исповедующим «современные идеи», чем отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук,... и, возможно, что в народе, у крестьян... сравнительно гораздо больше благородства, вкуса и такта, чем у читающего газеты умственного полусвета, у образованных людей».

Пристальное внимание уделил Ницше расовой проблеме, которую он трактовал, прежде всего, как «сумасбродное смешение сословий и рас», в результате чего возник «европейский метис – безобразный плебей». – Позднее Андрей Белый применил выражение «Европа – мулатка». «Слабость нервов и болезненность возникают всякий раз, когда расы и сословия, долгое время разлученные, начинают решительно и внезапно скрещиваться. Новое поколение, унаследовавшее в своей крови различные меры и ценности, олицетворяет в себе тревогу, беспокойство, сомнение... лучшие силы действуют в нем как тормоза, в душе и теле не хватает равновесия, устойчивости. Но что в этих полукровках сильнее всего болеет и вырождается, так это воля».

Другое произведение Ницше «К генеалогии морали» /1887г./ расширяет понятие расы. На его символическом языке «белокурая бестия таится в глубине всех благородных рас», к которым он отнес римскую, арабскую, германскую, японскую знать, гомеровских героев, скандинавских викингов. Антропологическая граница, согласно философу, проходит в историческом измерении между белокурым населением Европы и доарийскими темнокожими расами, покоренными много веков назад.

В «Человеческом, слишком человеческом» Ницше пропел хвалебную песню России. Он воспринимал ее дремлющую мощь как надежду на излечение Запада от недугов, с изумлением изучал русский характер, восхищался Достоевским. У русских все казалось ему исполненным символического смысла. «В России сила воли откладывается, накапливается с давних пор,... грозно ждет, чтобы освободиться», – писал Ницше. «Для того, чтобы Европа не раздробилась введением парламентского тупоумия... необходимо усиление грозности России, которое заставило бы Европу самой приобрести единую волю». Таким образом, уже в конце 19 века Ницше отвел нашей стране ведущую геополитическую роль в мире.

Завершая серию гениальных прогнозов в «Человеческом, слишком человеческом», философ писал: «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и русскими, как с наиболее вероятными факторами в великой игре и борьбе сил».

В 1889 году вышла новая книга Ницше «Сумерки кумиров». Самая интересная ее часть описывает общественные пороки, порожденные развитием демократии. В обществе, как и в природе, нет равенства, доказывал философ, но всюду – строгая иерархия: поэтому справедливо правило: «равным – равное, неравным – неравное». Все современные беды порождены изъятиями руководящих общественных слоев, прежде всего – интеллигенции, насаждающей «демократизм всеобщего, ставшего пошлым образования». Поучительно, что регрессивному развитию Запада, имевшего наиболее развитый демократический опыт, Ницше вновь противопоставил Россию: «В обществе должна быть воля к традиции, авторитету, к ответственности на столетия вперед... Если эта воля существует, то основывается нечто подобное России».

Последним произведением философа из опубликованных при жизни стал «Антихрист». Это шокирующее название отражает лишь часть правды, характеризующей Ницше – человека высоких нравственных качеств. Однако христианство подверглось здесь уничтожающей критике как «мораль рабов»: «Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников... оно внесло порчу в самый разум духовно сильных натур, так как научило чувствовать высшие ду-

ховные ценности как греховные». Ницше считал христианство основной причиной духовного разложения мира: «Бог «великого числа», демократ между богами... остался иудеем, богом всех нездоровых жилищ целого мира!.. Царство его мира всегда было царством преисподней, царством гетто... Христианин есть иудей в третьей степени». Понятие расы Ницше еще не употреблял в таком смысле, чтобы им как главным фактором объяснялся итог двухтысячелетнего развития мира, но христианство, по его мнению, обуславливалось расой. «Антихрист» не случайно вышел в свет, когда тяжелая нервная болезнь поразила Ницше /1890г./. Этому предшествовала поразительная, гибельная ясность ума. «Кажется, что присутствуешь при работе военного снаряда, которым не может управлять никакая человеческая рука», – писал один из друзей философа. Теперь мрак лишь изредка прерывался просветлением сознания, когда Ницше вспоминал лучшее из своей жизни и прежде всего Р. Вагнера. 25 августа 1900 года он умер.

Хотя Ницше, еще в 1887 году оставивший преподавательскую деятельность, напряженно работал последние годы над своими произведениями, ему не хватило времени создать синтетический труд в задуманном объеме. Однако мир познакомился еще с одной книгой философа – «Волей к власти», опубликованной сестрой Елизаветой после его смерти. Это афористичное и даже фрагментарное произведение можно считать итогом жизни Ницше. Оно возникло как обобщение подготовительных работ и набросков к завершающему труду. Понятие воли к власти появилось уже в ранних произведениях философа и постепенно заняло центральное место в его творчестве вместе с «переоценкой ценностей» и «вечным возвращением». В своей посмертной книге Ницше описал жалкую судьбу современного государства и указал пути достижения здорового состояния общества. Отрывочный характер книги не умаляет ее основных достоинств – воспитательную силу и практическую верность выводов. «Представляет громадную опасность убеждение, что человечество продолжает расти и становится сильнее как целое, если индивиды делаются вялыми, похожими друг на друга, посредственными», – писал Ницше. Развиваясь таким образом, общество бесконечно понижает свой творческий потенциал вследствие накопления отрицательных признаков. Предвосхищая выводы генетиков, он отрицал решающее влияние среды и внешних причин на развитие человечества: «Нет солидарности в обществе, где имеются неплодотворные и разрушительные элементы, которые к тому же дадут еще более выродившееся, чем они сами, потомство».

Для излечения деградирующей Европы Ницше считал необходимым тщательный отбор будущих правителей: «Нужны воспитатели, которые сами воспитаны, превосходящие других, аристократы духа, а не ученые олухи, каких нынче предлагает юношеству гимназия и университет в качестве высших нянек... Вос-

питание представляет средство накопления колоссальной силы человечества, так что поколения могут продолжать строить далее на основе работы их предков, органически вырастая в нечто более сильное». Сила и цвет человечества, согласно Ницше, концентрируется в людях, обладающих врожденной волей к власти. Ни знатное происхождение, ни богатство, ни формально высокий уровень образования сами по себе не определяют ранг человека. Эти качества часто сочетаются с отрицательными свойствами, среди которых Ницше называет прежде всего слабость воли, затем «покаяние самоистязания и судороги искупления» /это необходимо знать русскому человеку, которого принуждают каяться во всех изъянах своей истории/, результатом чего явилась расшатанная нервная система в масштабах отдельных личностей и масс. Другая пагуба – алкоголь, еще одна – преждевременное эротическое развитие, сифилис. Особо выделил Ницше «трусливое приспособление к царящему режиму», из-за чего возникает «отвратительное рабское подчинение масс, убивающее всякую надежду». Таким образом, демократическая Европа подготавливает тиранов, утверждал Ницше.

Социализм как способ преодоления был для него неприемлем, так как нес в себе самоотрицающуюся жизнь и катастрофическое движение к всеобщему равенству. «Время мелкой политики прошло», – писал он, – «уже грядущее столетие несет с собой борьбу за господство над всем земным шаром». В отличие от Я. Буркхардта, считавшего современные войны поверхностными, не достигающими глубины и ничем не исправляющими «буржуазного нерадения к жизни», Ницше думал иначе. «В промежутках между двумя кризисами общество дышит легче: обновленное войной, оно повсюду распускает почки, которые зеленеют в первые хорошие дни и приносят ослепительные гениальные плоды». В войне с Францией, на которую Ницше ушел добровольцем, он проявил большую храбрость, доказав, что восхищение силой не было писательской фантазией, но подлинной чертой благородного мужественного характера. Ницше надеялся, что война когда-нибудь преобразит и Германию, изгнав из нее нерешительность и изнеженность. Идеальными качествами для него были «ясность, простота, величие». Философ до конца не был понят даже друзьями, из-за определенной ограниченности или по практическим соображениям отказавшимися от жертвенного служения ему. «Но зачем нужно и само время, у которого нет времени для Заратустры!» – восклицал он.

Ницше не оставил потомству цельного учения о государстве, как это сделали в древности Платон и Аристотель, а в девятнадцатом веке – Фихте и Гегель. Однако его идеи ясно указывают на желательный тип общественного устройства, в основе которого – неприятие демократии и сильное государство, не стесненное морализаторством и «общечеловеческими ценностями» /выражение философа!/. Ницше с сатирической силой обличал парламентский строй: «Государство

отрастило себе бессмысленно толстый живот, появились во всех сферах деятельности, кроме действительных работников, еще «представители»; помимо ученых еще литераторы; помимо страждущих слоев еще болтающие и хвастливые бездельники... не говоря уже о профессиональных политиках, которые благодушествуют и при помощи крепких легких «представляют» перед каким-нибудь парламентом «общественные нужды». То, что эти суждения приложимы к современной российской жизни, показывают следующие слова Ницше: «Люди, лишенные государственного инстинкта, не хотят служить ему больше, но только пользоваться им для достижения своих личных целей». Удалить корыстолюбцев из государственного руководства – первая цель для нации, желающей сохранить за собой достойное место в истории.

Ницше скептически оценивал будущее Западной Европы. На его глазах провалились «две великие попытки преодолеть восемнадцатый век: Наполеон и Гете – единая политическая и культурная Европа». С тем большей надеждой философ наблюдал за Россией. Вопреки самому себе он не был антихристом. Отвергая католицизм за слабость и лицемерие, /за то же Христос обличал фарисеев/, Ницше восхищался горячей славянской религиозностью. Русское православие, сросшееся с национальным характером, он называл «революционным христианством». Пора по достоинству оценить дружеские чувства философа к нашей стране. Необходимо помнить его предупреждение: «Народы, имевшие какую-либо ценность, никогда не делались такими под влиянием либеральных учреждений». Русский народ, стоящий перед угрозой исторического краха как ведущая национальная общность, нуждается в надежных политических воспитателях. Фридрих Ницше на долгие времена останется учителем для тех государственных мужей, которые воплощают в жизнь неумирающие идеи о мощном государстве и процветающей нации.

Библиотека Велесова Слобода, 2008 г.